

ОБРАЗОВАНИЕ ЭПИТЕТОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ К. БАЛЬМОНТА

Н.Г. Серебренникова

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

Рецензент д-р филол. наук, профессор А.Л. Шарандин

Ключевые слова и фразы: изобразительно-выразительные средства; качественно-предикативные слова; эпитет.

Аннотация: Описан механизм образования эпитетов на базе существительного, а также рассмотрено соотношение таких изобразительно-выразительных средств, как эпитет, сравнение и метафора.

В данной статье исследуется механизм образования эпитетов на базе существительного, а также такое явление, как поэтема. Мы опираемся на динамическую теорию частей речи [3, 6], созданную профессором В.Г. Руделёвым, в которой части речи определяются как семантические (в первую очередь) и грамматические классы слов. Главным в динамической теории является описание нейтрализаций, в соответствии с которыми возникают мимикрические формы различных частей речи. Например, у существительного – это адъективные формы, а у прилагательного – субстантивные и наречные формы. Процесс взаимодействия существительного и прилагательного предполагает нейтрализацию существительного и прилагательного в позиции определения (эпитета). Данный процесс нейтрализации существительных и прилагательных, несомненно, – интересное явление в языке, но нас интересует не столько сам этот процесс, сколько его продолжение – возникновение на базе адъективной формы существительного подлинного качественного прилагательного. В художественной речи это явление представляет собой определенную ценность, так как благодаря этому создается настоящий художественный троп – эпитет. Процесс образования эпитетов с помощью адъективных форм существительного получил в научной литературе название «окачествление относительных прилагательных», иными словами – «переход относительных прилагательных в качественные». На самом деле речь должна идти не о переходе прилагательного из одного класса в другой, а о процессе образования прилагательного с помощью адъективной формы существитель-

Серебренникова Надежда Геннадиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русская филология», e-mail: oll008mail@tamb.ru, ТамбГТУ, г. Тамбов.

ного от другого прилагательного. Относительное прилагательное, согласно динамической теории частей речи, называть прилагательным нельзя; это – адъективная форма существительного. Рассмотрим это на конкретном примере. Вот строки из стихотворения К. Бальмонта «Отречение»: *«И каждый день в определенный час / Земля огнем **рубиновым** одета»*. Слово «рубиновый» здесь – подлинное качественное прилагательное, а не адъективная форма существительного, как, например, в словосочетании «**рубиновые** серьги». Нас интересует конкретно механизм образования качественного эпитета, – каким образом он создает и где берет свою «качественность». Большинство исследователей, как уже говорилось, называют этот процесс «окачествлением относительных прилагательных». Имеется в виду, что, например, относительное прилагательное «рубиновый», попадая в метафорический контекст («**рубиновый** огонь»), перерождается в качественное прилагательное; либо, – данное относительное прилагательное приобретает качественность как дополнительное, переносное значение, наряду с относительностью, и становится так называемым качественно-относительным прилагательным. В любом случае, остается вопрос, где адъективная форма существительного (относительное прилагательное) заимствует категорию качества. Считается, что эта категория нигде не заимствуется, а уже изначально содержится, в скрытом виде, в адъективной форме существительного, что данная категория имеет способность актуализироваться в метафорическом контексте: «...семы качественности потенциально заложены в значении относительных прилагательных, подверженных... транспозиции в качественные прилагательные. Эти потенциальные... семы наследуются относительными прилагательными от той языковой единицы, от которой они образованы. Развитие качественного значения у относительных прилагательных основывается на метафоре, на реализации переносного значения» [1, с. 138].

Если мы признаем, что категория качества содержится в скрытом виде в адъективной форме существительного, то, следовательно, мы должны признать, что и производящее существительное обладает данной категорией. То, что каждое существительное содержит в себе скрытую качественность, верно лишь в той мере, что каждый предмет или, допустим, вещество, обладает набором определенных качеств (формой, цветом, размером и т.д.). Но существительное не содержит эти качества в себе, пусть даже потенциально, оно лишь ассоциируется, соотносится с ними. Например, нельзя сказать, что качество «зеленый» содержится в существительных «трава», «изумруд» и т.д. Данные существительные только ассоциируются у нас с этим цветом, но существительное не имеет своим значением качество [6, с. 36–37]. Ассоциативными же связями соединены вообще все слова русского языка. Скажем, глаголы и наречия тоже соотносятся в нашем сознании с определенными качествами, но мы не говорим, что глаголы и наречия – потенциально качественны. Мы предполагаем, что адъективная форма существительного в данном случае заимствует качество у другого качественного прилагательного. Иными словами, эпитет берет у адъективной формы существительного только план выражения, а план содержания – у другого качественного прилагательного. Например, в контексте «**изумрудная** трава» синонимом слова «**изумрудный**» будет

являться прилагательное «**зеленый**». Эпитет не подбирается сразу непосредственно к существительному, а заменяет собой другое прилагательное, план выражения которого по какой-либо причине является неподходящим. Весьма важен и тот факт, что, объясняя словосочетание «**изумрудная трава**», мы обязательно прибегаем к помощи сравнения – «трава **зеленая**, как изумруд» (выражение «трава как изумруд» – неполная конструкция). Таким образом, любой эпитет – это сжатое, скомпрессированное сравнение.

Итак, механизм создания эпитета таков: качественное прилагательное (имеющее планом содержания определенное качество), попадая в метафорический контекст, подбирает себе в качестве плана выражения какую-либо адъективную форму существительного (последняя выступает как мотивирующая лексема). Полученный эпитет будет отличаться от обычного определения наличием внутреннего сравнения, благодаря которому становится возможным соотнесение адъективной формы существительного с определяемым словом. Например, «листва **зеленая**, как изумруд» → «изумрудная листва».

Итак, эпитет, созданный с помощью адъективной формы существительного, является подлинным качественным прилагательным. А раз это – настоящее прилагательное, то у него с необходимостью возникает субстантивная форма, омонимичная исходному субстантиву (существительному, от которого была взята адъективная форма). Подтверждение этому можно найти у К. Бальмонта: «*Воспламененное Светило ушло за грань морей, / И в тучах краски доживают всей роскошью своей, / Чего в них больше – **аметистов, рубинов, янтарей?***» («Зарево мгновений»). Эпитеты «**аметист**», «**рубин**», «**янтарь**» здесь – субстантивные формы прилагательного.

Любопытным является то, что образование субстантивной формы от прилагательного – обратный процессу образования адъективной формы от существительного. Однако существует мнение, что эпитет, выраженный прилагательным, является зависимым от эпитета, выраженного субстантивной формой прилагательного. Но все происходит как раз наоборот. В метафорическом контексте эпитет, выраженный субстантивной формой прилагательного, образуется от эпитета, выраженного прилагательным, точно так же, как в обычной речи от прилагательного образуется субстантивная форма («желтизна» – от прилагательного «желтый»). Когда говорят, что «**бронзовые** мускулы» образовано от «**бронзы** мускулов», то вывод этот делается по аналогии со словосочетаниями «**бронза** статуи» и «**бронзовая** статуя». Но последние слова принадлежат к другому частеречному классу, нежели вышеуказанные. В словосочетаниях «**бронза** статуи» и «**бронзовая** статуя» мы имеем дело с существительным и его адъективной формой, а в словосочетаниях «**бронзовые** мускулы» и «**бронза** мускулов» – с прилагательным и его субстантивной формой. Если у существительного начальная форма – субстантивная, а производная – адъективная, то у эпитетов – наоборот, – начальная форма – адъективная, а производная – субстантивная.

Следует сказать, что исходное существительное и эпитет, выраженный субстантивной формой прилагательного, точно так же, как адъектив-

ная форма существительного и эпитет, выраженный качественным прилагательным, являются омонимами. Речь, конечно, идет о частичной омонимии, в том смысле, что, например, слова в микротекстах «**рубин** (браслета)» и «**рубин** (заката)» – это две разные части речи. Существительное в данном случае взято в своей словарной форме, а прилагательное – в производной, субстантивной форме. «**Рубин**» в первом и во втором контекстах – это два разных слова, а не два значения одного и того же слова. Но даже составители словарей считают подобные случаи примерами полисемии. Таково, например, толкование слова «серебро» в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова, где говорится о переносном значении слова. Однако слова в примерах типа «**серебро** (браслета)» – «**серебро** (ручья)» и – соответственно – «**серебряный** (браслет)» – «**серебряный** (ручей)», – не следует считать случаями полисемии, так как означаемые для эпитетов «**серебряный** (ручей)» и «**серебро** (ручья)» взяты не у существительного «серебро», а у качественного прилагательного. Подобная проблема разграничения полисемии и омонимии была поставлена в книге В.Г. Руделёва «Слово в лексической системе языка» [5, с. 51].

Итак, мы описали механизм возникновения новых качественных слов. Проиллюстрируем это с помощью схемы: существительное («изумруд»1) ← адъективная форма существительного («изумрудный»1) ← прилагательное («изумрудный»2) ← субстантивная форма прилагательного («изумруд»2).

Но на создании подобных эпитетов мысль носителя языка – поэт – не останавливается. Использовать тот механизм образования эпитетов, который мы описали, свойственно всякому человеку, говорящему на русском языке и понимающему свойство тропа. Но поэт в своем искусстве может подняться на более высокий уровень. Воспользуемся примерами текстов К. Бальмонта: «*Подвижная сфера зрачков в изумруде текущем сужаясь, / Расширяясь, сливает безмолвно привлеченную душу с душой*»... *И каждый миг, и каждый час / Воздушный изумруд, Воздушный цвет зеленых глаз / Поет мечте: «Я тут!»* («Фата Моргана»).

Эпитеты, приведенные в данных примерах, – явление чисто поэтическое. По сути дела, данные авторские словообразования можно называть эпитетами лишь условно. Это – более высокий уровень выразительных средств. Скорее всего, подобные языковые единицы следует определять как «поэтемы». Этот термин был предложен В.Г. Руделёвым в работе [4], где он отмечает: «Поэтема – это особого рода речевая композиция, за которой закреплено определенное значение, и это значение отличает данную композицию от всех иных подобных значимых форм. Поэтема – это превратившийся во вторичный знак сложно организованный речевой сигнал, который в силу данного своего превращения обретает новое значение, не имеющее подобных среди иных композиционных значений» [4, с. 88]. Подчеркивалось, что «поэтема не тождественна ни одной языковой единице» [4, с. 88], однако позже В.Г. Руделёвым высказывалась мысль о том, что подобно тому, как на уровне фонетическом или лексическом существуют «фонема» или «лексема», так и в системе изобразительно-выразительных

средств должна быть «поэтема». Попытка определить, что является поэтемой, делалась несколько раз. Так, поэтемой назывались «единицы, имеющие поэтический смысл, который находит свое выражение в элементах разных уровней языковой системы» [7, с. 130] или некоторая совокупность изобразительно-выразительных средств, создающих образ, синтагма поэтических приемов, выступающих в некотором единстве, неразрывной связи и взаимообусловленности [2, с. 117].

На наш взгляд, поэтема представляет собой результат нейтрализации изобразительно-выразительных средств, находящихся в оппозиции по какому-либо признаку. Так образуются выразительные средства типа «*текучий изумруд* (глаз)». Или аналогично – «*воздушный изумруд* (глаз)». Мы отмечаем, что подобные конструкции являются настоящими существительными, а не субстантивными формами прилагательного, так как выражения «*текучий изумруд*» или «*воздушный изумруд*» как формы прилагательного уже не воспринимаются, – в них намеренно подчеркивается вещественная, субстанциальная природа. Это как раз тот редкий случай, когда настоящее существительное может обозначать качественный признак. Также подобные словообразования, в отличие от эпитетов, и вне контекста обладают явной метафоричностью. Данные конструкции все же ближе к эпитету, чем к метафоре, так как здесь идет речь о создании новых языковых единиц, в отличие от метафоры, которая не создает новых слов. Однако мы отмечаем, что и эпитетами данные конструкции можно считать лишь условно, так как они выступают в роли выразительных средств более высокого уровня. Подобные изобразительно-выразительные средства можно назвать «поэтемами».

Итак, на наш взгляд, поэтема представляет собой нейтрализацию изобразительно-выразительных средств, находящихся в оппозиции по какому-либо признаку. Мы предполагаем, что в системе изобразительно-выразительных средств существуют оппозиции. Можно построить троичную оппозицию «эпитет → сравнение ← метафора» (стрелки указывают на немаркированный элемент).

Связь сравнения и метафоры общеизвестна. Метафора традиционно рассматривается как сокращенное сравнение. Сравнение и метафора находятся по отношению друг к другу в дополнительном распределении.

Взаимосвязанными, на наш взгляд, являются сравнение и эпитет. Но здесь существуют определенные тонкости, каких не наблюдается в отношениях сравнения и метафоры. Чтобы объяснить метафору, можно использовать любую сравнительную конструкцию, например, со словом «как». Метафору в поэтической фразе К. Бальмонта «Я по ночам вникал в иероглифы звезд – в те свитки пламеней в высотах совершенных...» можно объяснить с помощью сравнения «звезды как иероглифы, как свитки пламеней». Если же речь идет о соотношении сравнения и эпитета, то, на наш взгляд, нужно использовать полное, развернутое сравнение, предполагающее в своем составе какое-либо качественное прилагательное, которое служит семантической базой для формирования эпитета. Например, эпитет в выражении «изумрудная листва» нужно объяснять с помощью сравнения «листва зеленая, как изумруд», то есть надо сделать акцент на прилагательном «зеленый», так как данный качественный при-

знак составляет план содержания эпитета. Эпитет подчеркивает, развивает качественный признак, первоначально заложенный в сравнении. Метафора же, напротив, никогда не делает акцент на каких-либо конкретных качествах, — это не является ее целью. Здесь речь идет об ассоциациях такого рода, когда один объект, явление как бы целиком заменяется другим. Например, в метафоре «гиероглифы», «свитки пламеней» речь не идет о каких-либо явно выраженных качествах. Метафоре свойственно проводить ассоциативные параллели между объектами на основании сходства каких-либо признаков, но на них никогда не акцентируется внимание. Напротив, метафора как бы призвана «растусшевывать», «размывать» те качественные признаки, которые первоначально заложены в сравнении. Этим метафора принципиально отличается от эпитета.

Эпитет, сравнение и метафора составляют троичную оппозицию по признаку выраженности/невыраженности качественного признака. Если эпитет и метафора составляют оппозицию, то они могут подвергаться нейтрализации. Например, в том случае, когда посредством функции контаминации соединяется субстантивная форма прилагательного *«изумруд (травы)»* и существительное *«изумруд (браслета)»*, и появляется сочетание *«текущий изумруд (глаз)»*, где как бы стираются признаки эпитета, так как в подобных словообразованиях намеренно подчеркивается вещественная, субстанциальная природа, а не только — качественный признак «зеленый», а с другой стороны, — появляются признаки метафоры, так как речь в данном случае идет о целостном образе, хотя выразительное средство «текущий изумруд» характеризует в контексте существительное «глаза». Выражение «текущий изумруд» и т.д. — это поэтема, пример нейтрализации эпитета и метафоры.

Однако нейтрализации могут подвергаться и другие изобразительно-выразительные средства, которые составляют оппозицию, и все они так или иначе связаны со сравнением. Сравнение, как справедливо отмечает И.В. Подольская, — это «наиболее простой поэтический прием... немаркированный оппозиит в каждом из возможных с ним противопоставлений» [2, с. 119]. На основе сравнения непосредственно строятся эпитет и метафора, в основе же иных изобразительно-выразительных средств, как отмечает И.В. Подольская, «находится уже не сравнение как таковое, а... один из производных от сравнения элементов (эпитет, метафора)» [2, с. 119]. Например, основой для формирования метонимии и синекдохи является метафора. Метонимия и синекдоха рассматриваются как разновидности метафоры. Следовательно, они могут находиться в оппозиции по отношению к метафоре по признаку переноса наименования по смежности и по признаку переноса наименования с целого на его часть, с элемента на множество. Метафора, метонимия и синекдоха могут составлять троичную оппозицию с немаркированным элементом — «метафора».

Мы отмечаем, что наше рассуждение носит гипотетический характер. Мы предполагаем, что все изобразительно-выразительные средства составляют оппозиции. И сравнение — наименее информационный элемент в данной системе, как бы точка отсчета, с которой начинается любое изобразительно-выразительное средство. Что же касается поэтемы, то она представляет собой нейтрализацию изобразительно-выразительных средств.

Мы уже говорили о нейтрализации эпитета и метафоры. Однако нейтрализации могут подвергаться метафора и метонимия. На наш взгляд, это можно проиллюстрировать следующим примером из поэзии К. Бальмонта: «Ты рождаешь те звоны, которые слышим глазами...» (речь идет о луне). В данном случае интересно выражение «звоны, которые слышим глазами» или точнее – «слышим глазами». Выражение «слышим глазами» похоже на метонимию. Если предположить, что это метонимия, значит можно восстановить так называемое «пропущенное звено», находящееся в основе метонимии, превратить эллиптическую конструкцию в полную. Типичный пример метонимии – «Шипенье пенистых бокалов и пунша пламень голубой» (А.С. Пушкин). Шипит не бокал, а шампанское, которое в него налито. «Шампанское» – пропущенное звено. «Бокал» и «шампанское» представляют собой явление смежности. Чтобы восстановить полную фразу, нужно сказать, например: «Шипенье пенистого шампанского в бокале...». Выражение «слышим глазами» нельзя восстановить подобным образом. Фраза «слышим глазами так же, как слышим ушами» ничего не объясняет, сохраняя ту же единую конструкцию «слышим глазами». Но, с другой стороны, «зрение» и «слух» в какой-то степени представляют собой смежные понятия. Если предположить, что выражение «слышим глазами» – это метафора, то в его основе должно быть сравнение. Но сравнение «слышим глазами, как ушами» также требует дальнейшего разъяснения. Однако здесь все же речь идет о каком-то качественном признаке, потенциально заложенном в метафоре. Мы предполагаем, что выражение «слышим глазами» – это результат нейтрализации метафоры и метонимии, так как здесь присутствуют признаки, характерные и для метафоры, и для метонимии, но они носят невыраженный, «стертый» характер, так как подверглись смешению, нейтрализации. Таким образом, выражение «слышим глазами» – результат нейтрализации, неделимая единица, которая может рассматриваться как поэма. На наш взгляд, изобразительно-выразительные средства представляют собой систему, и сравнение является как бы точкой отсчета, наименее информационным звеном данной системы. Изобразительно-выразительные средства составляют оппозиции. Следовательно, возможны и нейтрализации. Нейтрализации подвергаются, например, эпитет и метафора, а также метонимия и метафора, возможно, и другие изобразительно-выразительные средства. Поэма представляет собой результат нейтрализации изобразительно-выразительных средств. Она является выразительным средством, но совершенно особым. Поэма имеет разные формы, в зависимости от того, какие изобразительно-выразительные средства подверглись нейтрализации, но узнается в поэтическом тексте как единая словесная конструкция, обладающая относительной самостоятельностью, как конструкция, имеющая яркую образность, как результат смешения, нейтрализации изобразительно-выразительных средств. Многие эпитеты, построенные с помощью такого механизма, могут выглядеть весьма необычно и несколько вычурно, но эта тонкая словесная игра как раз и позволяет поэту создавать свой легкий, изысканный и неповторимый авторский стиль.

Список литературы

1. Головач, Э.А. ИмPLICITные особенности морфологии имени прилагательного : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Головач Елена Анатольевна. – М., 1982. – 186 с.
2. Подольская, И.В. Языковые средства создания художественного образа (на материале поэтических текстов Евгения Харланова) : монография / И.В. Подольская. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г.Р. Державина : Изд-во ООО «Центр-пресс», 2004. – 227 с.
3. Руделёв, В.Г. Динамическая теория частей речи русского языка / В.Г. Руделёв // Вестн. Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. – 1996. – Вып. 1. – С. 83–89.
4. Руделёв, В.Г. Принципы сегментации поэтической речи. В 6 т. Т.6 / В.Г. Руделёв. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2002. – 178 с.
5. Руделёв, В.Г. Слово в лексической системе языка : учеб. пособие по рус. лексикологии / В.Г. Руделев ; Тамб. гос. пед. ин-т. – Тамбов : [б. и.], 1984. – 73 с.
6. Руделёв, В.Г. Вначале было слово... / В.Г. Руделёв, О.Л. Руделёва ; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов : [б. и.], 1995. – 176 с.
7. Шарандин, А.Л. Ведь что-то значат слов сплетенья: К вопросу о поэтическом языке / А.Л. Шарандин // Вестн. Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. – 2002. – Вып. 3 (27). – С. 125–130.

Epithet in Poetic Texts of K. Balmont

N.G. Serebrennikova

Tambov State Technical University, Tambov

Key words and phrases: epithet; figurative and expressive means; qualitative and predicative words.

Abstract: The paper describes the mechanism of creating nominative epithets; also, the ratio of such expressive means as epithets, similes and metaphors has been considered.

© Н.Г. Серебренникова, 2013